18+

У. В.

Кто такая Лора Ли

И другие
рассказы

У. В.

Кто такая Лора Ли.
И другие рассказы

«Издательские решения»

У. В.

Кто такая Лора Ли. И другие рассказы / У. В. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839009-8

Спустя неделю после исчезновения одной из сестер-близнецов загадочно умирает и вторая. Молодой человек совершает целую серию «преступлений века» — и каждый раз исчезает как по волшебству. Девушка, чудом нашедшая своего отца, становится его единственной наследницей. Все любовницы человека, сохранившего вечную молодость, кончают жизнь самоубийством…

ISBN 978-5-44-839009-8

© У. В.

© Издательские решения

Содержание

Самоубийство на десерт 6
Где Руфь? 9
1 Руфь 9
2 Руфь или София? 12
3 София 14
Охота на Вроцлавских гномов 15
Меня зовут Сульфур Индол 18
Тридцать 23
Лаборатория «Парадиз» 27
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Кто такая Лора Ли
И другие рассказы

У. В.

© У. В., 2017

ISBN 978-5-4483-9009-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Самоубийство на десерт

***

Был обычный воскресный вечер – тёплый, но не чересчур знойный, такой, который идеально подходит для чаепития с соседями. Это было обычное воскресное чаепитие в небольшом городке – стол был накрыт у бассейна перед домом единственного врача, уважаемого, уже довольно пожилого, человека, седые волосы и седая борода которого подчёркивали его огромный опыт и железный характер.

Как всегда, на чай были приглашены начальник почты, судья и начальник местных железных дорог. Они собирались каждое воскресенье, чтобы поиграть в покер и обсудить последние события, коих было не много. Чай как всегда подавала юная дочь врача – светловолосая, юная и свежая, как цветущие в саду розы. Выпечка, которой она угощала, была изумительна. Разговор тёк плавно и неспешно. На улице постепенно темнело, воздух становился цветочно-сладким, наступал вечер, и чаепитие подходило к завершению.

Гости заговорили о том, что пора собираться, хозяин предлагал сыграть ещё одну партию – из недели в неделю разговоры были одни и те же. Эти чаепития за покером были одной из немногих, если не единственной забавой в городке. Отсутствие серьёзных происшествий делало жизнь городка спокойной, но унылой, и потому никто из присутствующих не удивился, когда судья – немолодых лет, весьма заслуженный, но ещё не поседевший – взял слово.

Судья предложил развлечься.

– Думаю, смерть развеселит нас, – сказал он.

***

Все мгновенно перестали собираться и приготовились с интересом слушать. Даже дочь врача была приглашены за стол и с любопытством ждала продолжения.

– Это не должно быть массовое самоубийство. Мы должны разыграть спектакль.

И судья предложил сценарий.

– Дорогой друг, – обратился судья к начальнику почты, – давно ли последний раз мы с вами упражнялись в фехтовании?

– На той неделе, – задумавшись на мгновенье, ответил начальник почты.

– Не хотели бы вы поупражняться снова? – спросил судья. – Хотя вы и не захватили с собой рапиры, наш дорогой друг, – он кивнул в сторону врача, – мог бы одолжить нам свои шпаги.

Начальник почты – довольно юный молодой человек с озорно подстриженными усиками – одобрительно кивнул, но никто не прервал молчания – судья явно ещё не закончил.

– Наш дорогой друг, – продолжил судья, – мог бы предложить нам опробовать свои изящные старые шпаги, которые достались ему в наследство от деда. Вряд ли кто-то из жителей городка удивился бы такому предложению.

– Ни в коей мере! – подтвердил врач.

– И если наш дорогой друг, – судья кивнул в сторону начальника почты, – случайно проткнёт мне сердце, это тоже станет печальной, но не удивительной новостью. Шпаги – это не рапиры, и несчастного случая иногда не избежать, пусть даже два друга затеяли шуточный поединок.

– Несомненно, – подтвердил начальник почты.

– И тем более никого не удивит, если наш дорогой друг, – он снова кивнул начальнику почты, – вскроет себе вены.

Дочь врача вскрикнула, но судья лишь улыбнулся ей.

– Волею судьбы – или нашего очаровательного сценария – наш дорогой друг станет убийцей! И не просто убийцей – он окажется виновным в смерти собственного друга. Нет ничего удивительного, если он захочет покончить с собой.

Все согласились. Даже дочь врача улыбнулась.

– Я думаю, этот бассейн у вашего дома, перед которым мы сейчас собрались, является прекрасным местом для самоубийства, не так ли, доктор? – продолжил судья.

– Несомненно, – ответил врач. – Вода в бассейне холодна, и кровь в ней не свернётся. Вам ведь прекрасно известно, что покончить с собой, вскрыв себе вены, не так-то просто, ведь кровь сворачивается чересчур быстро, и вы отделаетесь лишь лёгким обмороком.

– Но почему же отец не спасёт уважаемого начальника почты, если тот решит погибнуть в нашем бассейне?! – вскричала дочь врача.

Врач попытался было осадить её, напомнив о хороших манерах, однако судья жестом остановил его:

– Вы невероятно проницательная юная леди, – похвалил он девушку. – Вашему отцу следует уехать из дома, иначе весь наш сценарий не удастся!

Дочь врача была польщена, но тут судья снова обратился к ней:

– Поэтому, моя дорогая, бездыханное, окровавленное тело начальника почты предстоит найти вам!

– Мне? – ахнула она.

– Вам! Вы, несомненно, попытаетесь его спасти, но тщетно! В этих попытках вы лишь ослабнете, и, окончательно потеряв и силы и рассудок, упадёте в бассейн и утонете.

– Какой чудесный сценарий! – воскликнула девушка и замолчала – отец снова строго посмотрел на неё.

Между тем судья продолжал:

– Как я уже сказал, наш дорогой друг – и ваш отец, – он улыбнулся дочери врача, – вынужден будет уехать из города, и несомненно, что уедет он на одном из поездов, находящихся в ведении нашего дорогого начальника железных дорог!

Начальник железных дорог, грузный лысеющий господин, который уже начал бояться, что сценарий развернётся без него, теперь, слегка кряхтя, не без удовольствием наклонился поближе к столу и принялся слушать ещё внимательнее. Судья наклонился к нему навстречу и заговорщицки прошептал:

– И именно из этого поезда выброситься наш дорогой друг, узнав о печальной кончине его любимой дочери.

– Какой позор! – вскричал начальник железных дорог. – Смерть человека под колёсами подведомственного мне поезда! Это ужасно!

– Именно так, дорогой друг, – улыбнулся судья. – Никого не удивит, что подобное станет для вас трагедией, и не удивит, если вы решите застрелиться из револьвера в собственном доме.

– Это просто чудесно! – снова не выдержала юная дочь врача, и даже её отец, вместо того, чтобы осудить её чересчур бойкое поведение, повторил за ней:

– Это просто чудесно!

– Несомненно, – вторил начальник почты. – Восхитительно! – хохотнул начальник железных дорог.

– Я очень рад, что угодил вам, – скромно улыбнулся судья. – Когда же мы начнём?

– Немедленно! – сказали все почти хором.

***

Дочь врача очень быстро убрала посуду, и все перешли в дом, который юная леди, ставшая хозяйкой после безвременной кончины своей матери, содержала в чистоте и уюте. Гости уселись в гостиной, чтобы наблюдать поединок судьи и начальника почты. Врач поднялся в свой кабинет и вынес невероятной красоты старинные шпаги, которые с придыханием пере-

дал своим друзьям. Начался дружеский поединок, сталь сверкала в воздухе – но недолго: вскоре мастерским ударом начальник почты проткнул судье живот.

Судья упал и выронил шпагу из рук. Начальник почты остался стоять с окровавленной шпагой в руке перед своими приятелями и перед телом убитого друга. Юный начальник почты долго не мог произнести ни слова, пока ужас происходящего накрывал его всё новой и новой волной. Удивительный сценарий, рождённый от скуки и казавшийся таким чудесным, утрачивал свою привлекательность. Восторг уходил, он тонул в разрастающейся луже крови судьи.

Наконец, начальник почты открыл рот.

Вопреки предложенному покойным судьёй сценарию, он предложил бежать прочь из города.

Остальные молча кивнули.

***

Первым прервал молчание врач:

– Как… как мы скроемся? – заикаясь, спросил он.

– Один из моих поездов готов к отправлению, – помедлив, прошептал в ответ начальник железных дорог. – Служащие не появятся до утра. Нас никто не увидит.

– Но кто будет управлять поездом? – спросил врач.

– Нам придётся делать это самим, – ответил начальник почты, не дожидаясь, когда начальник железных дорог снова соберётся с духом, чтобы заговорить, – чтобы не привлекать свидетелей. Давайте распределим работу.

– Я буду машинистом, – произнёс начальник железных дорог. – Я единственный из вас имею представление о том, как вообще управлять поездом.

Все согласно закивали.

– Господа начальник почты, врач, милая юная леди, вам придётся исполнять роли кочегаров.

Все снова кивнули. Затем медленно поднялись, покинули дом и направились к станции.

Там действительно ждал поезд, на котором они и покинули город. Они не включали прожектор, боясь, что их заметят местные жители.

Работа кочегаров была чрезвычайно утомительной, и вскоре дочь врача окончательно лишилась сил. На полном ходу поезда её отбросило к открытой двери истопного вагона. Она схватилась за дверь, но сил втянуть себя обратно уже не было, и врач, увидев это желая спасти жизнь любимой дочери, бросился за ней. Держась одной рукой за поручень, он силился дотянуться до протянутой руки дочери, но тщетно. Наконец, на мгновенье отпустив поручень, он рванулся вперёд, схватил дочь за руку, и в этот момент поезд дёрнулся.

Врач вместе с дочерью на полном ходу выпал из поезда.

Потрясённый, начальник почты бросился в кабину машиниста, не желая оставаться наедине с этим кошмаром. Судья убит, врач и его дочь погибли, всё это так ужасно… всё это так… всё это так … – он замедлил бег – всё это так похоже на сценарий судьи… Начальник почты на мгновенье замер и нащупал в кармане нож, который он всегда носил с собой, и продолжил движение – теперь уже шагом.

Спокойно, не торопясь начальник почты достиг головного вагона поезда, где сидел машинист – начальник железных дорог. Начальник почты подошёл к нему сзади и перерезал горло.

***

Рассветало. Поезд замедлил ход. Впереди виднелся небольшой городок, до которого начальник почты вскоре добрался и в котором с лёгкостью нашёл работу. Жизнь городка была размеренной и бедной на происшествия, и единственным развлечением для нового начальника почты стали еженедельные чаепития и игра в покер в компании четверых друзей.

Поэтому никто из них не удивился, когда одним из воскресных вечеров за чаем начальник почты предложил развлечься.

Где Руфь?

1 Руфь

Софии позвонили только на третий день после того, как её сестра Руфь не вышла на работу. На самом деле, даже тогда никто особенно не удивился, просто попросили передать Руфи, какую сумму вычтут из зарплаты за отгулы. София сказала, что сестры нет дома уже третий день, так что ничего ей передать она не может. Тогда звонивший сказал, что если Руфь не появится и на следующий день, её уволят.

Говорить «день» было неправильно: Руфь работала по ночам официанткой в баре «Дикий койот». Говорить «официанткой» было бы тоже не совсем правильно, она была скорее танцовщицей, и притом отличной, но даже из таких, как она, туда выстраивалась очередь, так что менеджера этого заведения можно было понять. Софию, впрочем, график работы сестры устраивал: Руфь спала до вечера, а потом уходила на работу и не возвращалась до утра. София уходила в Академию утром и не возвращалась до вечера. Сёстры почти не встречались.

Подумав, не заявить ли её исчезновение в полицию, София допила мятный чай и вышла из дома. В конце концов, Руфь часто не ночевала дома, и её отсутствие всего третий день подряд не было поводом для беспокойства. А где, собственно, пропадает Руфь, было не так важно.

Руфь не появилась ни на наступивших выходных, ни в понедельник, ни во вторник, ни в среду, а в четверг София умерла.

***

Во время обычного занятия по рисованию с натуры София просто упала замертво. Даже если бы «скорая» дежурила прямо за дверью, сделать ничего было бы нельзя. А уж когда врачи вошли в зал спустя почти час, констатировать смерть могла любая студентка Академии художеств.

Тело погрузили на носилки.

Есть ли у погибшей родственники, которым нужно сообщить о гибели девушки? Родители погибли, но, кажется, была сестра. Знает ли кто-то её номер телефона? Ну, разумеется, нет. Хотя бы имя?

– Руфь, – сказала Нелли, одна из студенток. – У неё есть сестра Руфь. Они близнецы.

Среди «избранных» номеров в записной книжке мобильного телефона Софии Руфь была первой и предпоследней. Второй номер принадлежал кому-то с именем Филипп. Пока санитары уносили тело, один из врачей набрал номер, записанный как Руфь. Ответа не было.

– А где может быть эта Руфь? – спросил он, обращаясь к Нелли.

– Днём она обычно дома, спит. Хотя, кажется, последние несколько дней не ночевала дома.

Врач безуспешно попытался дозвониться до Руфи ещё несколько раз и, наконец, набрал второй «избранный» номер. На этот раз ответили сразу. Да, он знаком с Софией, нет, не очень близко, но некоторое время назад он встречался с её сестрой, Руфью. Как умерла? А где Руфь? Да, конечно, он приедет на опознание.

Врач продиктовал адрес морга, оставил мобильный телефон Софии в аудитории и ушёл.

***

Филипп расстался с Руфью всего месяц назад. Рано утром она встала с постели, наскоро выпила кофе и ушла домой, а пока она обувалась, Филипп сказал, чтобы она больше не приходила. Это не было спонтанным решением; её уход ранним утром тоже был не первым. Хотя Руфь работала по ночам, она уходила каждое утро, когда оставалась у него на ночь, и никогда

не приглашала его к себе, разве что ненадолго днём, когда София была в Академии. Она объясняла это тем, что у неё настолько разные графики с сестрой, что они только и видятся по утрам, когда Руфь уже вернулась, а София ещё не ушла. Тогда он предложил остаться на ночь у неё, но Руфь и это отвергла: София очень плохо спит, её может разбудить любой шорох. Поверить в это было нетрудно. Первые двадцать лет София вообще не спала. У этой болезни даже было название, которого Филипп не помнил, но вот чего забыть было невозможно, что жить Софии врачи обещали не больше, чем пятнадцать лет. София протянула до двадцати, наслаждаясь каждой минутой своей непрерываемой на сон жизни, когда после смерти родителей не иначе как на нервной почве случилось чудесное выздоровление: София стала спать. Сама её болезнь была огромной редкостью, выздоровление же и вовсе было зарегистрировано впервые. Однако от любых обследований София отказалась, и вообще она, наверно, предпочла бы умереть от своей бессонницы, чем пережить такое. Не успев похоронить родителей, она чудом успела оттащить сестру с железнодорожных путей, где та лёжа ожидала поезда в лучших традициях русской классики. Руфь билась в истерике и только повторяла, что всё равно убьёт себя. София не отходила от неё ни на шаг, хотя каждый видел, что её и саму тянет в петлю.

Филипп приходил к ним каждый день, и вот тогда-то, наверно, София и полюбила его. Скрывать ей это удавалось плохо, даже сам Филипп это понимал, а уж Руфь и подавно. Легче ей от этого не делалось, но в конечном итоге София уговорила Руфь уехать на неделю. Вообще из страны. И с континента. Они улетели в Америку, чтобы заполнить чем-то душевную пустоту.

***

Когда они вернулись, Руфь больше не твердила, что покончит с собой, но с тех самых пор её будто подменили. Поначалу это было не так важно, главное, что она стала постепенно возвращаться к жизни, но вот ту самую искру, которая так его привлекала, Филипп больше не находил.

Она перестала быть такой бесшабашной, как раньше, и всё больше походила на безупречную Софию. Тех милых недостатков, которые он любил в ней, становилось всё меньше. Руфь привлекала именно своим несовершенством, и теперь, когда оно исчезало, Филипп понял, что больше не любит её. Это было ужасно: бросить Руфь после всего пережитого казалось предательством. Он тянул с решением, как мог, но было видно, что и сама Руфь тяготится от их отношений. Так что однажды утром он предложил ей больше не приходить.

Руфь вздохнула и ушла.

Это было месяц назад.

***

Он стоял около мёртвого тела её сестры-близнеца едва не кричал. Видеть это было невыносимо. Он подтвердил, что погибшая действительно София, и быстро вышел на улицу. Вернуться из морга домой он не смог. Мёртвое тело, как две капли воды похожее на тело девушки, которую он когда-то любил, стояло перед глазами и не отпускало его ни на минуту. Филипп долго бродил по городу, перемещаясь от одного бара к другому, пока, наконец, под утро не вернулся домой.

Когда он проснулся, уже был полдень. Он лежал в постели, пытаясь вспомнить что-то важное, но мысль никак не хотела сформироваться в его мозгу. Наконец картинка стала яснее и яснее, пока, наконец, не встала перед глазами с поразительной ясностью. В это было невозможно поверить, но сомнений практически не было.

В морге была не София. Это была Руфь.

***

Сон как рукой сняло. Филипп быстро отправил e-mail одному из сотрудников, отписавшись больным, и набрал телефон морга. Ему ответила неторопливая барышня, несмотря на довольно поздний час явно ещё не окончательно проснувшаяся. Наконец, она взяла в толк,

что же случилось, и сообщила, что врача, занимающего этим делом, сейчас нет, и не мог бы он перезвонить через час. Филипп повесил трубку и отправился варить кофе.

За кофе он попытался ещё раз представить себе увиденное вчера. Его окончательно проснувшееся сознание уже не было настолько уверено в том, что так живо нарисовалось сквозь сон. В конце концов, это был один шрам, маленький шрам на шее, замеченный мимолётом и на который он сначала даже не обратил внимания. Но это был шрам, который мог принадлежать только Руфи. Она получила его не так давно, где-то полгода назад, когда однажды ночью у него дома ненароком наткнулась на угол чугунной полки, висящей на стене. От неожиданности ругнувшись («Святая сосиска!..»), она попросила его залепить рану пластырем и вскоре ушла. Она всегда уходила.

Филипп допил кофе, оделся и вышел из дома. Нужно было ещё раз убедиться лично.

***

Снег в декабре каждый год выпадает неожиданно – как для водителей, так и для коммунальных служб. Едва Филипп выехал на автомагистраль, как встал в мёртвую пробку. Самое ужасное было то, что ни съехать, ни оставить машину было негде. Филипп приготовился к длинному пути, включил любимую радиостанцию, достал из багажника бутылку кока-колы и ещё раз позвонил в морг.

Врач уже появился.

Не вдаваясь в подробности, Филипп представился, объяснил сложившуюся в связи с дорожно-транспортной проблемой ситуацию и спросил, не может ли врач ещё раз взглянуть на труп поступившей вчера девушки. Врач мог. Более того, он сам перезвонил через несколько минут и подтвердил, что шрам в виде молнии у погибшей на шее действительно есть, и, судя по виду, получен полгода-год назад.

Значит, всё-таки Руфь… Уже почти повесив трубку, Филипп спросил, известна ли уже причина смерти.

– Да, – ответил врач. – Очень интересно. По-видимому, у девушки была редкая болезнь – хронический колестит. Она не спала за свою жизнь ни минуты, что в итоге и стало причиной смерти.

2 Руфь или София?

Филипп повесил трубку и медленно опустил телефон на соседнее сиденье. Снег валил всё сильнее, совершенно не собираясь останавливаться. Поток машин с упорством стада баранов медленно полз вперёд. До ближайшего съезда с шоссе, где можно было бы оставить машину и добрести до метро, было ещё довольно далеко, так что ближайшая пара часов не предвещала Филиппу никаких занятий, кроме мыслительной деятельности.

Итак, девушка в морге со шрамом на шее умерла от хронической бессонницы. Это никак не укладывалось в голове. Колеситом болела София, и более того, она чудесным образом выздоровела около года назад. Но представить себе, что у неё на шее мог бы в то же время, что и Руфи, оказаться точно такой же шрам, было тоже невозможно. А что если после пережитого год назад шока у Руфи началась та же болезнь, от которой излечилась её сестра? Совпадение было практически невероятным, особенно с учётом того, что Руфь никогда об этом не говорила, но в то же время с её возвращения Филипп никогда не видел Руфь спящей. Проверить это сейчас было невозможно, но на всякий случай Филипп снял трубку и позвонил Нелли, подруге Софии из Академии.

– Ты ведь была вчера на занятии вместе с Софией? – спросил он. – Скажи-ка, прежде, чем упасть замертво, она успела что-то нарисовать?

– Успела, – ответила Нелли.

– А ты видела, хорошо ли она рисовала?

– Как обычно, – усмехнулась Нелли. София рисовала лучше всех в Академии. – Очередной шедевр.

Первый удар мимо, подумал Филипп. Сомневаться, что вчера в Академии была именно София, не приходилось: Руфь никогда рисовать не умела.

Тогда откуда же у неё взялся шрам? Никакого разумного объяснения этому не было, если только… Если только он не был сделан специально. Но кем? Зачем Софии нужно было копировать Руфь? Или же…

***

От этой мысли по спине пробежал холодок. Уж не специально ли Руфь сделала на теле сестры такую отметину? И если да, то для чего? Объяснение могло быть только одно: она знала, что болезнь сестры так и не прошла, и терпеливо ждала её смерти, желая выдать её за свою. Причины этого были непонятны, но ещё более непонятным было то, зачем София лгала, что излечилась, если это была неправда. Нет, эта версия совершенно никуда не годилась: как бы тщательно Руфь ни следила за сестрой, она вряд ли могла узнать, что София умерла, не выдав своего присутствия. Отвергать очевидное больше не имело смысла: получается, что тогда, в ту ночь, когда она наткнулась на злополучную полку, с ним была не Руфь, а София.

От этой мысли стало горько. Значит, она давно его разлюбила, и всё это время близняшки просто играли с ним, по очереди сменяя друг друга. Эта мысль была отвратительной, особенно потому, что в течение почти целого года он ни разу не заметил этого. После возвращения из Америки Руфь действительно вела себя странно, но ни разу ему не удалось заподозрить, что девушки постоянно менялись

***

Значит, они не просто сменяли друг друга, да ещё и обсуждали во всех подробностях. Как иначе объяснить то, что как-то по дороге к нему домой, после того, как он забрал Руфь из клуба, она, налетев на торчащий из стены штырь, который в темноте не заметила, точно также воззвала к святой сосиске, как когда когда-то не разминувшаяся с его полкой София? Они знали каждую мелочь из жизни друг друга. Поверить в это было невозможно: после смерти родителей, вернувшись из Америки, они даже перестали появляться вместе. Он думал, что это

было ли это связано с тем, что София начала спать, но в свете причины её смерти это становилось невероятным. Значит, они просто перестали быть близки, но тогда… Он задумался, когда же последний раз видел девушек вместе, и тут всё встало на свои места.

И то, что последний раз видел их вместе, когда отвозил в аэропорт по дороге в Америку. И то, что Руфь позвонила и просила не встречать на обратном пути. И то, что он никогда не замечал, как они чередовались. И то, как Руфь изменилась после поездки, и даже то, что он ни разу с тех пор не видел, как Руфь спала.

Всё это время с ним была одна София.

3 София

Поток потихоньку поехал, и впереди уже замаячил съезд с магистрали. Скорость машин всё ещё оставалась небольшой, и Филипп, подруливая коленкой, нашёл в электронной почте письмо годичной давности, в котором был указан телефон отеля в Калифорнии, который он забронировал для Софии и Руфи. Уже заранее зная, что он услышит, Филипп набрал номер и дождался ответа.

Да, девушка, отвечавшая в этом небольшом отеле на стойке регистрации, помнит девушек-близнецов. Нет, они прожили не всю неделю: на второй или третий день они поехали смотреть на пролив Золотые Ворота, а когда вернулись, на следующий же день уехали. Нет, не вместе: одна уехала в тот же вечер, а вторая – наутро после завтрака. Спасибо. Не за что.

Филипп положи трубку. Сомнений не было: с залива, знаменитого одноимённым мостом, который является одним из самых популярных среди самоубийц, София вернулась одна. Старалась ли она удержать сестру? Не смогла ли? Не хотела ли? Этого теперь не узнать, но факт остаётся фактом.

Руфь умерла ещё год назад.

***

Ответ на вопрос, почему София не заявила о её смерти, тоже пришёл на ум сразу. Вряд ли она боялась, что её обвинят в убийстве сестры, которую она сама несколько раз удерживала от смерти. Скорее всего, дело было в том, что она была влюблена в него, и такая двойная жизнь казалось для неё единственным способом стать частью его жизни. Жить за них обеих ей помогла её удивительная болезнь, и ночной образ жизни Руфи. Объявив всем, что теперь спит по ночам, она могла в это время спокойно изображать Руфь, избегая лишних вопросов. С тех самых пор она и надевала по ночам эту маску, а когда они, наконец, расстались, смысл в этом пропал. Она протанцевала в клубе ещё пару недель, чтобы исключить возможные подозрения, и однажды просто не пришла на работу.

***

Филипп доехал до съезда с магистрали, свернул на платную парковку, на которой из-за высокой цены ещё были свободные места, и зашёл в ближайшее кафе. Заказав кофе, он снова достал телефон и набрал ещё один номер. Удивительно, что он сразу позвонил подруге Софии из Академии, но не догадался сделать другой очевидный звонок.

– Алло, Рик? Привет, это Филипп. Ты не помнишь, год назад, когда Руфь вернулась из Америки, как она танцевала?

– Ты шутишь? Просто отвратительно, – отозвалось в трубке. – Босс даже хотел её уволить, но мы уговорили, сказали, что как отойдёт от горя, всё наладится. Ну и правда, со временем она растанцевалась. А чего ты вдруг спросил?

– Дело в том, Рик, – Филипп сделал большой глоток кофе. – Дело в том, что Руфь… Руфь исчезла неделю назад. Ты же знаешь об этом?

– Да, ещё бы. Но мне всё равно: теперь-то её уже всё равно уволили. Кстати, у нас сегодня вечером новая программа, а ты что-то давненько не заходил. Не хочешь прийти?

Филипп сделал ещё один глоток кофе. Было уже пять вечера.

– А что? Пожалуй, и правда, забронируй мне столик.

Охота на Вроцлавских гномов
Рождественская сказка с не очень счастливым концом

Говорят, во Вроцлаве скрываются
более полутора сотен гномов.
А сколько сможешь найти ты?

Рождественский Вроцлав сиял разноцветными огнями. Повсюду звучали колядки, бегали дети и пахло пряниками. Ханка вдыхала морозный воздух этого незнакомого города, неспешно прогуливаясь без особенной цели, когда вдруг на самом краю дороги увидела гнома. Точнее, даже двух: один, грустный, играл на мандолине, а другой, не более весёлый, протягивал шапку прохожим. Ханка наклонилась, чтобы сфотографировать маленькие медные фигурки, как вдруг один из гномов подмигнул ей. Она зажмурилась, снова открыла глаза – гномы так же печально и неподвижно взирали на прохожих.

– Показалось, – подумала Ханка и пошла дальше. Но парочка никак не шла из головы. Неспроста ли был один из гномов чем-то похож на вчерашнюю цыганку? Ханка хотела просто пройти мимо, когда услышала, как та закричала ей вслед, предрекая вечное одиночество. Казалось бы, копошащийся предпраздничный город – не место для таких мыслей, однако проклятие всё звучало в ушах. И едва Ханка представила себе одинокую старость в общении с телевизором, как та возникла прям перед глазами, да так чётко… Куда уже чётче: гном сидел на диване и смотрел в экран. Как будто специально, чтобы подчеркнуть полное одиночество, на экране значилось: «Диалог». По телу пробежал было холодок, но тут уж Ханка вернулась к реальности:

– Что за ерунда! Сама себе напридумывала всякого.

А гномы её заинтересовали. Где два – там может быть и больше. Что ж, поищем.

Поначалу они попадались часто. Два стояли у входа на старую биржу, ещё три – слепой, глухой и немой, – на углу ратуши. Вряд ли тот, кто поставил их там, подразумевал что-то драматичное, однако при виде их мысли Ханки снова вернулись к проклятию цыганки. А если ещё и болезнь? Она живо представила себя слепой одинокой старухой, едва бредущей к рынку, постукивая белой тростью, ведомая разве что собакой-поводырём. Собакой ли? – из-за угла на неё уже с усмешкой глядел ещё один гном, издевательски протягивая голубя.

Ханка отшатнулась и стремительно зашагала прочь. А что, если правда? Воображение живо рисовала картины – одна хуже другой, а взгляд продолжал бегать по сторонам в поисках новых гномов. Едва картинка в мозгу сменилась образом распростёртого в пустой квартире мёртвого тела, как в выступе одного из домов они заметила маленькую чёрную метлу. Перед метлой неподвижно лежало маленькое тельце гнома.

– Они все неподвижные! – чуть ли не вслух сказала Ханка и сделала несколько снимков на камеру.

– И он, наверно, просто спит, – не очень уверенно добавила она, глазами уже отыскивая следующего гнома.

А он никуда и не прятался – вон, волочёт цветок на могилу приятеля. Сделав несколько снимков, она свернула с людной улицы в один из переулков.

Теперь Ханка уже не замечала ни огней святочного города, ни гуляющих горожан. Медленно углубляясь в город вдоль узких улочек и опустив вниз глаза, она внимательно всматривалась в каждый необычный выступ. Гномы вырастали словно из-под земли в самых необычных местах. Тот ломился в замкнутую дверь, которую изнутри уже некому было открыть. А вон двое пожарных спешат на вызов – да кто знает, успеют ли?

На улице постепенно темнело, и даже самые безобидные предметы начали отбрасывать пугающие тени. Ханка металась от одного гнома к другому, мысли окончательно путались в голове, и уж тут она, наконец, решила, что хватит.

На сердце сразу стало удивительно спокойно. Оказалось, что стоит перестать думать о гномах – и все остальные мысли встают на место. Ханка улыбнулась ночному Вроцлаву и с лёгким сердцем зашагала в сторону гостиницы.

Он стоял с распростёртыми объятиями прямо под фонарём – словно ждал её весь вечер.

– Последний снимок! – пообещала себе Ханка, а сама уже понимала, что снова оказалась в ловушке. Волна азарта захлестнула с новой силой, и вместо того, чтобы от радушного гнома отправиться в отель по широкой улице, Ханка снова свернула в тёмный переулок.

Если бы ночь уже полностью не накрыла Вроцлав, было бы видно, как блестят её глаза. Она уже давно не поднимала их от земли, высматривая новых и новых гномов. Бросалась на необычные тени, которые при приближении к ним оказывались то брошенными бутылками, то крупными камнями, а то и вовсе просто тенями от фонарей. Но кое-где попадались и гномы, отвечая своим зловещим видом самым страшным фантазиям Ханки. Тот спал прямо на улице, не имея крыши над головой, этот вырвал из груди своё сердце, да так и не нашёл, кому его вручить. Ханка уже не находила в себе сил ни гнать прочь бестолковые мысли, ни прекратить погоню за гномами. Когда в одном из узких переулков она увидела гнома, со зловещей ухмылкой открывающего перед ней двери, казалось, прямо в ад, она закричала.

– Хватит! – закричала вслух и сама испугала собственного голоса.

Она без оглядки бросилась прочь из переулка. Не в силах отвести взгляд от земли, она с силой зажмурилась, превозмогая себя, подняла голову вверх, и только когда окончательно почувствовала себя свободной, открыла глаза.

Он смотрел прямо на неё. Глаза в глаза неморгающим взглядом на неё глядел закованный в кандалы гном, запертый за оконной решёткой первого этажа магазина игрушек.

– Вот она, твоя свобода, – почти услышала она, глядя, как он протягивает к ней сквозь решётку закованные в наручники руки.

Теперь Ханка больше не бродила по тёмным улицам, бегающим взглядом выискивая гномов. Она чуть не бегом носилась по городу, забегая в самые страшные подворотни. Она уже не понимала, зачем бежала: в поисках ли вроцлавских гномов, или чтобы скрыться от собственных страхов. Но едва завидев нового гнома, она бросалась к нему, спотыкаясь и иногда падая на колени, чтобы лучше рассмотреть его – нового монстра, в глазах каждого из которых она опять видела отражение своих кошмаров.

Из-за облаков вышла луна, посветила несколько секунд и снова скрылась, но и этого было достаточно, чтобы Ханка заметила новую группу гномов под крыльцом посреди развороченной ремонтом дороги. Гномы что-то считали на счётах, и, как в старой примете про кукушку, Ханка с вызовом прокричала:

– Ну, сколько мне осталось?

Рухнув на колени перед гномами, она увидела, как тот из них, который держал счёты в руках, поглядел ей прямо в глаза и с хохотом сбросил на ноль все фишки.

В ушах звучал гномий гогот вперемешку со звоном медных костей. Ханка едва оторвала взгляд от гномов, как увидела впереди огни рыночной площади. Бегом, боясь попасться на новую удочку, она мчалась на свет, к выходу из города, к освобождению от своих кошмаров. Только когда вокруг снова засияли фонари, зазвучали рождественские песни и запахло глинтвейном, она остановилась.

Люди всё так же радовались Рождеству, несмотря на ночь. Ничего не хранило в себе отпечатка последних кошмарных часов. Она, наконец, по-настоящему глубоко вздохнула, улыбнулась и сделала шаг вперёд.

Он сидел на парапете с мешком подарков и протягивал ей лошадку. Руки затряслись. Подкашивались ноги. Сердце забилось неровно, она едва не забывала дышать.

Ханка не помнила, как снова оказалась в тёмных вроцлавских подворотнях. Теперь она уже точно не знала, ни где находится, ни как выбраться оттуда. Снова забегала в манящие неизвестностью дворы, чуть не ползая, оглядывала каждый квадратный миллиметр в поисках гномов. Они попадались всё реже. Ханка почти уже вовсе лишалась сил, но едва она, обессилевшая, была готова рухнуть на землю, они появлялись, давай ей энергию для новых поисков.

Она окончательно потеряла рассудок. Кошмары в её голове уже не сменяли друг друга, а слились в единую феерию, словно сошедшую с полотен Босха. Волосы растрепались, шарф она потеряла где-то по дороге, закоченевшие пальцы едва сжимали камеру.

Она заскочила в очередной двор, завидев тень в дальнем углу. Подбежала к ней, присела, чтобы рассмотреть… Тень оказалась замёрзшим голубем. Сил встать уже не было, сердце бешено колотилось, и вдруг произошло удивительное.

Сердце вдруг замерло. Всё тело сковало будто параличом – до того, что она не могла даже моргнуть или отвести глаза. И весь город вдруг стал стремительно расти, пока, наконец, не оказался настолько огромным, что она стала ростом едва выше парапета.

Прошла ночь, и наступило утро, и новый день сменился ночью. Дни превращались в недели, недели – в месяцы. Падал снег, лил дождь, палило солнце. Крошечная и неподвижная Ханка всё так же сидела одна. Во двор редко кто заходил, и в основном её не замечали. Раз только к ней бросилась маленькая девочка со словами «Ой маааама, ой гнооомик!..», но мама только схватила её за руку и силой уволокла обратно на улицу.

Да ещё раз солнечным днём забежала парочка. Она тут же бросилась к Ханке, а он всё бегал вокруг с фотоаппаратом. Но и это длилась недолго: парочка начала целоваться, забыв одинокого гнома, да так, не отрываясь друг от друга, и убралась прочь из двора обратно на улицу.

Когда как-то поздним вечером во двор зашёл Он – Ханка его сразу узнала. Узнала по лихорадочному блеску безостановочно бегавших глаз. Уж он-то сразу её заметил и бросился к ней, ничего не замечая на пути. Ползал вокруг, фотографировал со всех сторон.

– Остановись! Убирайся прочь, пока не поздно! – закричала Ханка.

Точнее, закричала бы, если бы медные связки не потеряли навсегда способность вибрировать. Она пыталась поймать его взгляд своими обездвиженными глазами, но было уже поздно.

Он больше не смотрел на неё, в поисках новых гномов походкой безумца удаляясь дальше вглубь ночного Вроцлава, возможно даже всё ещё ощущая себя охотником.

Меня зовут Сульфур Индол

Меня зовут Сульфур Индол, и я убийца. К тому моменту, когда вы будете читать этот текст, я уже буду дважды убийцей, и что особенно интересно, ни одно из этих убийств в принципе уголовно не наказуемо. Что поделаешь, таковы особенности нашего законодательства.

Я встретила Клорина лет пять назад на курорте. У него были тёмные волосы и голубые глаза, и он сказал:

– Если хотите, я полечу с вами.

Я ужасно боюсь высоты и ужасно хотела полетать на этом парашюте, ну знаете, который привязывают к моторной лодке, и как будто летишь над морем. Клорин как раз привязывал меня к парашюту, когда я сказала, что всё это настолько ужасно, что я передумала. Наверно, у меня в глазах читалось, как я, несмотря на это, хочу полететь, так что он сказал:

– Если хотите, я полечу с вами.

Когда мы взлетали, он держал меня за руку. Это было самое голубое небо, самое голубое море – и самые голубые глаза.

Я так и осталась потом в этом прибрежном городке. Сначала на неделю, потом на месяц, потом на полгода, а потом вышла за него замуж. С тех пор моя фамилия Индол.

Клорин не всегда запускает людей в воздух. Обычно он учится на юридическом, работает у одного из своих профессоров, у которого своя практика, и готовится выпускаться. А я вообще-то защитила докторскую по биологии, но на берегу моря невозможно препарировать крыс, так что я устроилась официанткой. Временно, конечно, не подумайте обо мне плохо. Но длинные ноги оказались неплохим преимуществом.

С Айроном я познакомилась практически как в анекдоте. Ну знаете, в том, где профессор спорит с другом, что всё официантки знают математику, перед тем подговаривает одну ответить «икс куб на три» на любой вопрос, потом спрашивает, чему равен интеграл от икс квадрата, а она в конце от себя ещё добавляет «плюс константа». Так вот Айрон был как раз тот, кто спрашивал, только речь шла о консервантах в продуктах. Потом он вернулся, сказал, что он местный профессор биологии, я сказала, простите, что не предупредила вчера, но у меня по биологии степень, а он сказал, что у него есть место в лаборатории. Не ахти что, конечно, но всё-таки я же вроде собиралась вернуться в науку, так что я согласилась. В свободное время от основной работы, конечно, я имею в виду, работы официанткой.

Айрон просто потрясающий. Мужчины вообще чем старше, тем красивее, не верите – посмотрите на Айрона. И он невероятно умный, то есть во всём. Клорин даже ревновал меня к нему иногда, когда я слишком захлёбывалась восторгом, но это он зря, конечно, в Клорина я всегда была влюблена без памяти, тут не в одних глазах дело, если вы меня понимаете.

Ну и есть ещё Зильбер, про него тоже нельзя не сказать. К нему как раз было бы осмысленно меня ревновать, мы с ним вместе ещё с института, вместе учились, и мы тот тип друзей, которые рано или поздно начинают жить вместе, если не находят себе других партнёров. Я всегда была его утешением, когда Селена от него уходила – утешала как могла, а я в этом деле мастер. Но Селена всегда возвращается, к тому же они сейчас живут в столице, к тому же я с ним не спала с тех пор, как появился Клорин, так что Клорин как бы считает, что Зильбер не в счёт.

Ну в общем всё началось с того, что Айрон в меня влюбился. Собственно, он не скрывал никогда, говорил, что так уж получилось, что на одной работе я вроде бы умная, на другой красивая, так что ему ничего не оставалось. Правда, он ничего с этим и не делал: то есть я как бы знаю, он знает, и всё. Я точно так же приходила по утрам в лабораторию, вечером уходила подавать кофе, он, как был случай, приходил ко мне в кафе, потому что ему было приятно на меня посмотреть. Клорин тоже знал, конечно, и сказал, увольняйся. А я сказала,

не буду, зачем это? Ничего же вроде не изменилось. Ну поскольку и правда всё осталось, как было, то Клорин как-то и успокоился. А потом Айрон и вовсе уехал работать в столицу, сказал, в прибрежном городке никакой науки не сделаешь, звал с собой, но я, конечно, отказалась. Уволилась из института вовсе, тут Клорин и вздохнул совсем свободно. Хотя зря, наверно, надо было, чтобы он всё-таки ревновал немного.

В общем, в результате он меня бросил. Клорин вообще впечатлительный до невозможности – с такими глазами как иначе? Пока мы были вместе, постоянно совершал для меня всякие сумасшествия, то в лабораторию приедет ни свет не заря, чтобы оставить мне цветы, то в кафе закажет столик и выложит на нём моё имя конфетами, в общем, когда он мне изменил, то уж тоже не просто так. Сказал, не могу тебе в глаза смотреть больше, и ушёл. Я говорю, давай обсудим, а он нет. Ну я тоже повторять не стала, кто я в конце концов, уговаривать неверного мужа вернуться, думала, перебесится и сам попросится обратно, но только он не перебесился, точнее, не успел. Потому что очень скоро Клорин взял и умер. Ну тоже не просто так, конечно, это был несчастный случай, пока он запускал в небо очередного клиента. Пролежал в коме несколько дней. Так вот когда я пришла в больницу, чтобы с ним проститься, эта сучка, ну к которой он ушёл, так вот эта сучка не пустила меня к нему. Вообще, представляете? Я билась в истерике, сказала, буду ночевать под дверью, а она сказала, ночуй, где хочешь, только я тебя не пущу. Я говорю, чего ты теперь боишься, он на аппарате, дай поговорить, умоляла её, можете себе представить? – а она никак, даже тогда меня боялась. Ну потом я ей врезала, тогда меня и выгнали из больницы. А потом он умер и всё, я не успела даже сказать ему, что всегда любила, простила уже тысячу раз, пусть бы он только знал, что он для меня всегда единственный.

Думала всё, жизнь закончилась. Сидела дома, а потом решилась – пошла на тот пирс, чтобы взлететь на парашюте и отстегнуться от него прямо в самом синем небе. Чтобы рухнуть прямо в море и разбиться к чертям, а Клорин смотрел бы на меня с небес, и ему бы понравилось, он всегда так и хотел умереть на самом деле. Но потом я струсила и не отстегнулась. Ну хорошо, я струсила гораздо раньше, ещё на пирсе, и так и не полетела в итоге вовсе, просто заплатила и сказала, что не полечу. И всё, ушла, потому что сказать «хотите, я полечу с вами» было уже некому.

Тогда я и уехала в столицу. А что, я всегда была для Зильбера утешением, а вот тут настал его черёд. Мы пошли в кафе, потом он сказал, поживи у меня немного, Селена уехала из города на несколько дней. Из него утешитель тоже оказался хоть куда, и утром я говорю ему, бросай Селену к чертям, ты с ней только мучаешься, заживём с тобой вместе, даже, кажется, говорила, что люблю его, вот до чего дошла, а он всё нет, люблю её и всё тут. Я говорю, любил бы – не изменял, а он – тут другое. Какое другое, я так и не поняла, но, в общем, плюнула и поехала в тот институт, где теперь Айрон работал, говорю, возьми меня к себе, а то повешусь. Так и сказала:

– А то повешусь.

Он взял, причём уже не пробирки мыть, а по-настоящему, у меня же степень, а так и позиция нормальная была, так что вообще было отлично. Я на работе торчала сутками, так было тяжко домой идти, в съёмную квартиру одной, а тут вроде и польза от меня, и Айрон всегда рядом, тоже просиживал в институте дни и ночи, а с ним как-то всегда было хорошо и спокойно. Ну и через какое-то время он мне сказал:

– Выходи за меня замуж.

Я ответила:

– Я согласна.

А что мне было ему ответить? Если мне не придётся жить с тем, кого я люблю – Клорин меня бросил, не говоря о том, что умер, Зильбер выгнал, хоть и говорит, приходи ко мне, но что мне так приходить? – в общем, я подумала, пусть хоть Айрон живёт с кем-то, кого он любит.

И потом с ним хорошо в принципе, а то, что я никогда его не любила, ну так то сколько народу так живёт, ерунда.

Я с тех пор, как ушла от Зильбера, не звонила ему больше, обиделась, а тут позвонила и сказала, приходите с Селеной, у меня свадьба. Они пришли, Селена больше всех за меня была рада, ну то есть она была рада за себя, всё-таки замужем я ей больше нравилась, видать, она всё-таки подозревала, что её любимый не один спит, пока у неё истерики. Ну и Айрон был, конечно, на седьмом небе. Впрочем, я тоже ничего смотрелась, как-то даже расслабилась под конец, он же на самом деле невероятно сексуальный, и потом, в мужчине главное – ум, ну в общем, я уже поверила, что вот-вот его полюблю по-настоящему. Фамилию его, правда, не стала брать: не то, что я против фамилии Кетональ, просто как-то совсем бы уже смотрелось неприлично, прошлый муж только что умер, а я вроде бы уже и вовсе его забыла. Ну и Айрон не очень настаивал, даже не помню, чтобы он особенно предлагал.

Ну уж когда я за него вышла, в институте стало ещё лучше. Он как-то добился, чтобы мне дали свою лабораторию, то есть я вроде бы даже от него независимо стала работать, надо было только людей найти, так что я позвонила Зильберу, говорю, у меня место есть, бросай свою ерунду, пошли ко мне. Он мялся сначала, не хотел, чтобы я вроде бы начальником над ним была, мы же всегда были наравне, но я сказала, что всегда с ним останусь на равных, и потом, его тогдашний босс ему не особенно нравился, в общем он уволился со своей работы и перешёл ко мне.

Не скажу точно, когда я первый раз изменила Айрону, но довольно скоро, причём прямо в лаборатории. Зильбер тогда потом очень был не в себе, вообще старался со мной не разговаривать, но потом как-то совесть его отпустила, или может Селена опять учудила что-то, но в общем он успокоился. Потом я много раз с ним изменяла Айрону, и на работе, и у Зильбера дома, только к нам никогда его не приводила. В общем, похоже было, что у них с Селеной и правда не всё гладко, или он в меня влюбился окончательно, но в итоге он мне сказал:

– Уходи от Айрона.

А я говорю, с чего это, ты меня сам, считай, толкнул в его объятия, а теперь говоришь, бросай. И потом он этого не заслуживает, он мне ничего плохого не сделал никогда, одно добро, я с ним так не могу. Зильбер тогда рассердился страшно, ну а что? В гневе он даже ещё привлекательнее.

Ну в общем, потом он мне сказал, не хочу, чтобы ты с ним спала. Я ответила, я много чего не хочу, и что? Он говорит, чего например? Я ответила, сперва бросай Селену, там и поговорим. Ну я-то так, пошутила, а он бросил. Не знаю, из-за того ли разговора или и правда у них уже всё дышало на ладан, а бросил. Я ему сказала, что хорошо, тогда не буду с Айроном спать, но мало ли что я сказала? Впрочем, ложь, оказалось, наказуема, потому что оказалось, что я беременна, причём от Зильбера, потому что у нас с ним там что-то пошло не так.

Он сразу сказал, что это отлично. Я так, конечно, не считала, говорю, я кареглазая и темноволосая, и муж мой тоже, как у меня будет голубоглазый блондинчик вроде тебя? А он говорит, это нам знак, иди и скажи Айрону, что хочешь развестись. Я накричала на него и сказала, что Айрон не виноват, что я такая дрянь, и ничего я ему не скажу.

Но потом всё-таки сказала. Знаете, человек всё-таки слаб, а я понимала уже, что люблю Зильбера невероятно. Я тогда пришла к Айрону и говорю, ты найдёшь себе лучше, что-то ещё банальное в этом духе, в общем, давай разведёмся. А он сказал:

– Нет.

Вот просто так, ни вопросов, ни объяснений, просто – нет. Я говорю, Айрон, я тебя не люблю больше. Да что больше, я тебя не любила никогда. А он говорит:

– Нет.

Ну тут я рассердилась уже. Говорю, Айрон, я тебе изменяю почти с самой свадьбы, я тебя не люблю, и я беременна не от тебя. А он говорит:

– Я знаю.

И всё. Я говорю, так почему ты не хочешь развестись? А он сказал, я тебя всегда любил, хотел быть с тобой, если бы я тебе не тогда предложил, когда ты была не в своём уме от горя, а позже, ты бы не согласилась, тогда или никогда. Я бы всё отдал, чтобы быть с тобой, и никогда тебя не отпущу, делай что хочешь, а ты мне нужна, а больше никто мне не нужен. А ребёнок этот мой, этот твой Зильбер – просто как донор спермы, а отец его я, и я его уже люблю и буду любить и растить и воспитывать. Ну вот так и сказал.

Я вечером пришла к Зильберу и рассказала ему. Он задумался и сказал, просто оставайся у меня. Без развода, без ничего, просто не возвращайся к нему. И я осталась. А вечером звонок в дверь, Зильбер вышел открыть, а там Айрон, говорит, я пришёл за своей женой. Я была в комнате, не слышала, что именно они говорили, но только похоже было, что Айрон не уйдёт. Тогда я встала, оделась, вышла и сказала ему:

– Пойдём.

Он молча развернулся, положил мне руку на пояс, и мы ушли. Зильбер кричал что-то вслед, говорил, я сниму другую квартиру, он нас не найдёт, но это было низко и противно. Я распустила ту лабораторию, вернулась к Айрону работать. Решила, что всё, хватит искать приключений, у меня есть муж, и я буду ему хорошей женой.

В общем, со стороны всё смотрелось отлично, никто же не знал, что Зильбер мне ночами снится, а зачем я пошла на операцию, мне даже трудно сказать. Ну то есть я называю её операцией, потому что они её так называют, то есть врачи, которые делают аборт. Наверно, подумала, вдруг родится мальчик, и я каждое утро буду смотреть в его голубые глазки и думать про Зильбера. А скорее всего, мне хотелось себя наказать. Я ведь и ушла тогда от него не чтобы ему было плохо, или чтобы Айрону было хорошо, а чтобы сделать хуже себе. В общем, дело-то быстрое. Потом я вернулась домой и поняла, что Айрону сказать не смогу, он же и правда уже полюбил этого ребёнка. Подумала, за что я ему такая послана в наказание? Не стоит ему меня любить, и никому не стоит, и потом, я же убила сына и нельзя, чтобы это осталось безнаказанным. Так что так я и дошла до института, тут же в лаборатории много всякого. Собственно, я сейчас написала это, чтобы вы поняли, о чём речь. И чтобы сказали Зильберу, что я люблю его, пусть он знает, это важно, поверьте, я понимаю, как это важно. И чтобы Айрон знал, что я понимаю, как я виновата. Я не прошу меня простить, он, конечно, не сможет, но пусть знает, что я знаю.

Прощайте.

***

Айрон ещё раз перечитал написанный текст, написано было так, как всегда писала Сульфур. Зашёл в её почтовый ящик, скопировал текст в окошко и отправил на адрес полиции. Потом ещё раз отправил – на этот раз себе, хотел всё-таки сохранить у себя копию, и тут же удалил его из исходящих сообщений Сульфур на случай, если полицейские будут проверять её ящик, когда найдут труп.

Потом он подошёл к ней, стараясь не задеть пузырёк, который лежал рядом с её телом, со следами яда и с её отпечатками пальцев, и сказал:

– Прощай, моя любимая. Ты сама знаешь, что это единственный выход. Я ведь мог всё тебе простить, и прощал, но только не сына. Только не сына… Зачем, зачем ты это сделала? Ведь всё у нас могло было быть так хорошо. Но я всё равно люблю тебя, Сульфур, слышишь, я люблю тебя.

Потом он наклонился к ней и поцеловал в лоб. И ушёл домой.

***

Во входящих было непрочитанное письмо от Сульфур. Он открыл его, перечитал снова. Текст ему нравился. Письмо, видимо, по ошибке, продублировалось, и он открыл второе, просто на всякий случай, прежде чем удалить.

Второе письмо от Сульфур оказалось гораздо короче. Там было написано:
«Я всегда восхищалась твоим умом, Айрон. Твоя, Сульфур Индол-Кетональ.»

Тридцать

Жара стояла такая страшная, что казалось, что воздух был плотным. От зноя даже было тяжело дышать. В попытках спрятаться от этой жары люди толпами заходили за городские стены в город, который напоминал скорее большой человеческий муравейник, столько было там узких проходов. Улочки то пересекались, то расходились, то упирались в тупик. А то из некоторых вдруг поднималась вверх лестница, взобравшись по которой, снова оказываешься в городе, полном разветвлённых улиц, так что даже невозможно поверить, что дороги, по которым идёшь сейчас, только что были крышами над твоей головой. Окажись в этом городе посторонний, он моментально заблудился бы в этих ходах.

Небольшой сгорбившийся почти незаметный человек, который сейчас быстро пробирался по этим улицам, был явно не посторонний. Ни на секунду не раздумывал он на очередной развилке, он точно знал дорогу, по которой шёл – и шёл по ней явно не первый раз. То поднимаясь, то снова спускаясь вниз, он быстро двигался к цели, по пути опустошая карманы зазевавшихся прохожих. Не только воровством он промышлял – кое-что покупал и перепродавал подороже, порой выполнял чьи-то поручения. Он зарабатывал как мог.

Наконец он достиг городской площади и замер. Его мало кто замечал. Не замечала его и женщина, стоявшая на другой стороне. Сейчас в разгар дня она томилась в ожидании. Клиентов в дневное время было мало. Он особенно любил этот час, потому что почти не боялся, что она внезапно уйдёт. Он часто бывал на этой площади – собственно, он настолько хорошо знал этот город, что любой свой маршрут прокладывал так, чтобы проходить здесь.

Он любил эту женщину. И ему было неважно, чем она зарабатывает на хлеб

Он любил её не потому, что она была невероятно красива, хотя большинство её клиентов слишком торопились, чтобы оценить это

Он любил её за то внутреннее сияние, которой он видел в ней. Он следил за ней изо дня в день на этой площади – как она помогает старикам, как тратит с трудом заработанные деньги, чтобы купить еды чужим детям

Он любил её и не решался сказать ей об этом

Да и какой был в этом смысл? Что он мог ей предложить? Крышу над головой, кусок хлеба? У него самого ничего этого не было.

«Когда-нибудь, – думал он про себя, – когда у меня будет дом и заработок, я обязательно, обязательно заберу её отсюда – но не сейчас!»

С этими мыслями он бросил на неё ещё один взгляд. Она всё также стояла, опустив глаза. Тёмные локоны ниспадали по плечам. Она стояла в тени, скрываясь от палящих лучей солнца.

Он взглянул на неё и направился дальше.

Выйдя за городские стены, он на секунду замер, оглядывая раскинувшийся перед ним покрытый травой склон холма, словно россыпь изумрудов, в которой то и дело проблёскивали горстки маков-рубинов, и направился вперёд. Спустился с холма, в ручье набрал воды в кувшин, который он нёс с собой, и принялся подниматься на самую вершину соседней горы. Здесь уже не попадались прохожие. В эти дни мало кто выходил из города без особой нужды – и уж особенно не поднимался на гору.

Он шёл извилистыми улицами, выбирая дорогу так, чтобы хоть иногда скрываться под сенью олив, но ни разу не смел прикоснуться губами к кувшину с водой. Прошёл мимо кладбища и, наконец, окончательно устав, добрёл до вершины, где в землю была воткнута сухая палка. Он взял свой кувшин и вылил воду на землю рядом с ней, затем снова спустился, набрал воды и поднялся наверх – трижды, как делал это каждый день. Когда, наконец, он поднялся в третий раз и снова вылил воду из кувшина, случилось чудо: из самой верхушки палки показался зелёный росток.

В этот-то день он и познакомился с учителем.

***

Учитель был мудр и добр – настолько, что хотелось остаться рядом с ним навсегда. Но это было не главное: учитель был стержнем.

Он сам был вообще-то неглупым и весьма смышлёным человеком, но в нём не было какого-то внутреннего стержня, который направил бы его разум в единое русло и позволил добиться чего-то в жизни. И этот внутренний стержень, который он изо дня в день не находил в себе, он нашёл в учителе.

Когда он впервые услышал, как учитель говорит со своими учениками, он понял, что хочет остаться. Он прекратил воровать – учитель не разрешал этого – и практически бросил торговлю. Он остался рядом с учителем, чтобы только выполнять его поручения. С этого дня его жизнь словно обрела ещё один смысл.

Хотя он не перестал так же часто заходить на площадь, чтобы увидеть женщину, с которой, он верил, он когда-то обязательно будет вместе, целые дни его были заполнены служением. Остальные ученики не очень-то его любили, но ему это было не важно. Они не любили его – но и не упрекали, хотя все до одного было уверены, что он крадёт из общей казны. Это было неправдой – он не крал, или, во всяком случае, почти, да и то чаще всего для того, чтобы помогать бедным. Он был замкнут и понур, но он служил одному человеку, а с остальными был не то, что добр – он был таким, каким велел ему учитель. Они все помогали друг другу, хотя с ним общались без особого желания. И тем не менее он ни на секунду не задумывался о том, чтобы уйти.

Ни на секунду до того дня, пока учитель не объявил, что пора двигаться дальше. Он пробыл в этом городе достаточно долго, и теперь пора было уходить.

Это прозвучало как гром среди ясно го неба. Он не мог уйти! Он не мог уйти и оставить эту женщину одну на площади. Тогда он пришёл к учителю и сказал, что ему нужно остаться.

Ему было очень тяжело. Он не представлял себе, как снова вернётся в свою жизнь, лишённую смысла, и однако он не мог, просто не мог уйти. И учитель отпустил его.

И когда он медленно пробирался сквозь город обратно, навсегда, как он думал, уходя от учителя, он снова достиг той площади, однако она была полна народа. Толпа стояла вокруг той, которую он любил. Толпа стояла и выкрикивала оскорбления в её адрес, но не оскорбления волновали его, а угрозы – угрозы толпы, требующей её казнить.

Он на секунду замер, как вкопанный, не веря своим ушам, и через секунду бросился бежать обратно через весь город. Он подбежал к учителю и, опустив обычное приветствие, закричал: «Ты должен её спасти!»

– Спаси её, – сказал он, – спаси её, и уйду с тобой, и не будет у тебя ученика вернее меня. Пусть лучше я уйду и буду вдали он неё живой, чем останусь рядом с ней мёртвой.

И учитель пошёл с ним сквозь узкие улочки, пробираясь через толпу горожан, спешивших куда-то, как будто ничего не происходило. Он дошёл до площади и увидел толпу, поругивающую эту женщину. И случилось чудо. Учитель заговорил с ними, он говорил спокойно, и люди перестали выкрикивать оскорбления, смиренно опустили головы и разошлись.

И тогда он пошёл за учителем

Но учитель был не просто добр к нему – он не только спас её, он сделал больше. Он позвал её за собой. И она пошла – не в благодарность за то, что он спас её жизнь, но потому же, почему и он сам пошёл за учителем. Учитель сделал это для него, и теперь он ещё больше полюбил учителя.

Он так и не сказал ей о своей любви. Напротив, теперь он старался держаться ещё более отстранённо. Он боялся, что она узнает, что это он просил за неё, узнает, что это он спас ей жизнь. Он этого не хотел – он хотел, чтобы она полюбила его таким, какой он был, и потому выжидал момент, когда это происшествие достаточно забудется, чтобы заговорить с ней.

Остальные ученики тоже смотрели на неё искоса – скорее всего просто потому, что она была женщина. Она же был радушна и добра ко всем без исключения. В равной степени помогала она каждому. И готовила, и убирала, не делая между ними выбор.

Теперь он ещё больше полюбил её. Он был ближе к ней и мог рассмотреть её мягкую улыбку. Он видел её кротость и доброту. Он мог часами смотреть на её руки или наблюдать за тем, как ветер тревожит её волосы. Поскольку другие не любили его, то и не отвлекали, когда он сидел один и наблюдал за ней.

Они шли всё дальше, пока не пришли в другой город, где один из горожан пустил их в свой дом. Впервые за много дней ужинали они за столом, а не в поле. Она приготовила им еду. Все ученики сели за столом вокруг учителя, и он сам сел рядом с учителем и был совершенно счастлив, видя её так близко от себя – и видя учителя.

Вечер шёл, и вдруг невероятное подозрение закралось в его голову. Он глядел на неё и видел, как она, до сих пор одинаково добрая ко всем, оказывает учителю особые знаки внимания.

Что за глупости, подумал он. Конечно, она стремиться угодить учителю – все мы здесь для того, чтобы служить ему. Но мысль всё не шла у него из головы, и дело было не в том, что она склонялась к учителю чаще, чем к другим. Дело было в том, что она делала это иначе. Нет, не сестринская любовь светилась в её глазах! И накладывая учителю пищу, и наливая вино, она старалась как бы ненароком задеть его рукой и пододвигалась в нему ближе.

В нём затаился ужас. Как мог он сам привести её сюда! Почему раньше не сказал ей о своих чувствах, почему не поговорил с ней, почему не сделал её своей? С нетерпением ждал он окончания этого ужина, который поначалу приносил ему столько радости. Наконец-то решился он подойти к ней и всё рассказать! Но как, как мог он подойти с пустыми руками? И тогда он решил, едва закончится ужин, бежать в город, чтобы купить ей что-то такое, что не стыдно будет подарить.

Но едва голоса смолкли и все поднялись из-за стола, он увидел ещё кое-что, что-то, что ужаснуло его ещё сильнее. Словно ножом резануло его по глазам. Он увидел, как она прощается с учителем, склонившись перед ним и касаясь его руки, но видел он, и как учитель наклоняется к её лбу для поцелуя – совсем не так, как он делал это раньше.

Может быть, глаза обманывают его? Но нет! Он видел, как учитель прикасается к ней, и как она поднимает глаза и смотрит в глаза учителю, и как улыбается с какой-то хитринкой. Как опускает глаза и смотрит вниз и снова, как будто исподлобья, поднимает взгляд вверх.

И как учитель улыбается ей – не той открытой и радушной улыбкой, которой улыбается всем ученикам, а тоже как будто немного сощурив глаза.

Он в ужасе отвернулся. Он не мог более этого видеть! Он выскочил из дома, оттолкнув самого учителя и не заметив этого, и бросился в город. Сейчас же, сейчас же купить подарок и бежать к ней! Сейчас же положить конец этому!

Он добежал до городской площади, когда сумерки уже совсем спускались на город, и торговцы закрывали свои лавки. Опустошал свой прилавок и ювелир.

– Постой! – крикнул он ювелиру. – Дай взглянуть на твои товары!

Но ювелир, коротко обернувшись, только сказал ему: «Прочь, бродяга!» – и продолжил собираться.

Глаза у него блестели ярче, чем камни в руках ювелира. Он не слышал оскорблений в свой адрес и всё бегал глазами по украшениям, не в силах найти то, что было бы достойно той, которую он любил. Наконец взгляд его остановился на одном ожерелье.

– Скажи, торговец, какова его цена? – спросил он, но тот только повторил:

– Пошёл прочь, бродяга, тебе никогда не купить его.

– Сколько? – повторил он.

Тут ювелир пришёл в ярость и оттолкнул его с такой силой, что он упал в самую грязь. Не пытаясь подняться, он ещё раз спросил:

– Сколько?

– Тебе придётся продать свою душу, чтобы купить его! – усмехнулся ювелир.

– Сколько? – повторил он снова голосом, он волнения переходящим в шёпот.

Ювелир замер и, едва повернув голову, ответил:

– Тридцать. Это лучшее моё ожерелье. Оно стоит тридцать серебряных монет.

Тогда он встал из грязи, отёр лицо ладонью и сделал несколько шагов вперёд, приблизившись к ювелиру вплотную. Он поднял на него глаза и посмотрел таким взглядом, что ювелир отшатнулся.

– Отложи свой товар, торговец, – сказал он. – Я вернусь за ним завтра.

Лаборатория «Парадиз»

I want to know God's thoughts…
The rest are details.
Einstein

***

Уже тогда было бессмысленно отрицать, что плотность населения на планете росла катастрофически. Даже простейшие расчёты показывали, что пройдёт всего несколько веков, прежде чем перенаселение погубит планету. Проекты по расселению появлялись ежегодно: предлагалось осваивать соседние планеты и их спутники, запускать искусственные спутники и создавать на них условия, пригодные для жизни, – но всем было понятно, что ни одна из этих идей не жизнеспособна.

Собственно, к планете, которую можно было бы использовать для расселения, предъявлялось ровно два требования. Во-первых, она должна быть достаточно недалеко, чтобы человеческой жизни было достаточно, чтобы долететь до неё, освоиться и завести потомство. Во-вторых, она должна быть пригодна для обитания. К сожалению, ни одна из доселе открытых планет даже приблизительно не удовлетворяла этим требованиям. Я говорю «приблизительно», потому что параллельно с поисками планеты для расселения уже велись работы и по увеличению продолжительности жизни, и по созданию технологий улучшению климата. И тем не менее, все эти технологии занимали время – самый ценный ресурс, который у уже тогда был в недостатке.

Решение пришло неожиданно. Оно было ничуть не революционным. Просто появилась идея найти планету, которая будет почти достижима и почти пригодна для жизни. В результате за вполне обозримый промежуток времени работая параллельно можно будет одновременно и повысить продолжительность жизни до нужно для заселения этой планеты уровня, и улучшить на новой планете климат. Работая параллельно, одновременно в двух направлениях, это удастся сделать гораздо быстрее. Как только астрономы расширили круг поиска доступных планет в соответствии с этим предложением, их работа вскоре увенчалась успехом: всего в тринадцати световых годах от нас в одной из солнечных систем была открыта планета К-12486. Её соседи – К-12485 и К-12487 – совершенно не подходили по климату. Одна была настолько холодной, что улучшить климат на ней было невозможно и с использованием существующих технологий, и даже при условии, если предположить сценарий их стремительного развития. Другая, соответственно, была чересчур горячей, так что даже подлететь к ней достаточно близко было невозможно. К-12486 была всё-таки слишком холодной, но было вполне понятно, как можно было улучшить на ней климат, создав более плотную атмосферу.

Скорость обращения К-12486 вокруг своей оси была сопоставима со скоростью вращения нашей планеты. Скорость же её обращения вокруг своего солнца была гораздо быстрее, и один наш год составлял около двух десятков их лет. Тамошнее солнце было горячее нашего, так что белый свет на К-12486 был несколько синее того, к которому мы привыкли, но предварительные тесты показали, что человеческий организм вполне жизнеспособен при таком освещении.

Тот день, когда планета для расселения была выбрана, положил начало новой эре. С этого дня всё человечество так или иначе было задействовано в работе по её подготовке. Но основная работа велась в одной огромной лаборатории, созданной специально с этой целью – в лаборатории «Парадиз».

Это был крупнейший проект в истории человечества. В рамках лаборатории работала сотня отделов, каждый из которых был занят собственными разработками, в том числе

созданием сыворотки молодости, улучшением космического сообщения, созданием животных-мутантов, которые смогут выжить в тамошнем климате – этим задачам не было конца. Глобальной идеей, лежавшей в основе изменения климата на этой планете было создание на ней более плотной атмосферы, для чего изначально предполагалось заселить К-124856 животными. Их продукты жизнедеятельности с одной стороны приведут к созданию более прочного газового слоя в атмосфере К-12486, что позволит поднять температуру планеты, а с другой – снизят давление кислорода до уровня, комфортного для проживания человека. Однако конкретный стопроцентный способ решения этой задачи всё ещё не был найден – для её выполнения были задействованы все проекты, которые тогда были в разработке.

Первым делом на орбиту К-12486 была запущена огромная роботизированная космическая станция, которой можно было дистанционно управлять с нашей планеты. Её запуск стоил жизни целому поколению учёных – даже машина, двигающая всего вдесятеро медленнее скорости света, достигла области гравитации К-12486 только спустя 129 лет. Станция постоянно собирала информацию и отправляла её на нашу планету, так что спустя ещё 13 лет начал поступать непрерывный поток практически актуальной информации – что такое 13 лет в масштабах развития целой планеты? Энергию станция получала от в изобилии имевшихся на её поверхности солнечных батарей, причём, поскольку солнце, вокруг которого вращалась К-12486, было жарче нашего, то можно было при практически стопроцентной эффективности получать с их помощью большее напряжение, чем в нашей солнечной системе.

К моменту установления непрерывной связи с К-12486 лаборатория «Парадиз» уже заработала на полную мощь, и было выведено несколько видов животных, в которых были целенаправленно созданы мутации, которые позволили бы им выжить в суровом климате этой планеты. Практически сразу после того, как была получена уточнённая информация о климате, на станцию был отправлен космический корабль, перевозивший замороженные эмбрионы этих мутантов, и программа по разморозке. Когда эмбрионы оказались на станции, аппараты бережно их выгрузили, разморозили и поместили в условия, позволившие им вырасти до достаточного возраста, чтобы самостоятельно заботиться о себе. После этого со станции их отправили на поверхность К-12486. Увы, этот проект лишь отчасти увенчался успехом: животные хоть и прижились в холодном климате, но скорость, с которой они оказывали влияние на климат планеты, была ничтожна. Так стало понятно, что функционировать на К-12486 должен человек.

***

Естественно, генетические эксперименты над человеком так и не получили одобрения. Даже если бы можно было объявить сбор добровольцев, готовых пожертвовать собой ради науки и спасения планеты, была и ещё одна проблема: животные, которых туда отправили уже в огромном количестве. Создавая этих мутантов, никто особенно не задумывался, какой вред они способны принести человеку, и теперь было понятно, что они могут представлять для человека едва ли не большую опасность, чем агрессивный климат. Если же их полностью уничтожить, генетически модифицированным людям, если предположить, что таковых удастся создать, нечем будет питаться. После того, как на К-12486 удастся создать приближённый к нашему климат, первые поселенцы смогут забрать с собой для разведения тех животных и растения, которые существуют на нашей планете, но в нынешнем климате они просто не выживут. Более того, из тех же соображений безопасности к моменту, когда на К-12486 отправятся первые поселенцы, всех животных, которые сейчас туда завезены, нужно будет уничтожить. Сделать это выборочно, не повредив людям, будет невозможно, а это значит, что, если сейчас отправить на К-12486 генетически модифицированных людей, их потомки – наши потомки! – будут уничтожены. Несомненно, что уничтожить целую планету подобных себе мы не решимся, ведь человеческая жизнь является самым ценным ресурсом, расходовать который нельзя ни в коем случае, так что было решено отправить на К-12486 робо-

тов. Современные технологии позволят сделать их функционально очень похожими на нас, что в итоге позволит избежать целого ряда моральных и этических проблем. Для их разработки в лаборатории «Парадиз» был создан специальный отдел, сотрудники которого регулярно выпускали всё более и более совершенные аппараты.

Вряд ли хотя бы один человек не примкнул к экрану, наблюдая за трансляцией запуска космического корабля в день, когда на К-12486 запустили первых роботов. Полёт шёл нормально, и когда спустя 130 лет следующее поколение людей столь же жадно наблюдало за высадкой, ничего не предвещало беды. Однако спустя всего несколько лет все роботы все до единого уже погибли. Способные функционировать только в рамках заложенной в них программы, они не могли справляться с трудностями, не предвиденными заранее при их создании. И хотя К-12486 была достаточно близка, и информация достигала его всего за 13 лет, этот срок был непомерно велик для контроля над отправленными роботами. К моменту, когда информация о произошедшем непредвиденном обстоятельстве достигнет лаборатории «Парадиз», пройдёт уже несколько лет, а когда на К-12486 будет отправлена помощь – получать её уже будет некому.

В отделе робототехники лаборатории «Парадиз» создавались всё более и более искусные машины, внешне уже мало отличимые от человека – их даже стали называть андроиды, – но несравнимо более приспособленные к жизни в тяжёлых условиях планеты К-12486. Всё более тонкие механизмы, которые использовали для их создания, имели и неизбежный недостаток: андроиды быстро изнашивались. Их «разум» был всё тоньше, всё более изощрён, но даже к моменту, когда продолжительность их жизни по оценкам не должна была превышать пары сотен лет, их развития было недостаточно, чтобы выжить на новой планете. Вот тогда-то и наступил момент, когда всем стало ясно, что популяция андроидов сможет выжить при единственном условии: они будут способны сами мыслить и развиваться, и в экстремальной ситуации смогут принимать решения даже вопреки заложенной в них программе. Именно развитие способности андроидов нарушить программу и стало ключевой задачей, так что к тому моменту, когда все технологии были отработаны, андроидам всё ещё не хватало самого главного – «центра неповиновения», как назвали его учёные. Того участка мозга, который, если надо, сможет противиться заложенным программам.

Его развитием, хоть поначалу и безрезультатно, занимался особый отдел лаборатории. Собранные всё более совершенные андроиды размещались на специально оборудованной территории, где, для того чтобы снизить риск их поломок – ведь главным сейчас было повысить продолжительность их жизни, чтобы успеть развить центра неповиновения, – были созданы куда более мягкие условия, чем те, что ждали их на К-12486: там было достаточно тепло, а еда всегда имелась в изобилии. И за то время, которое было потрачено на создание этих условий, стало понятно, что перед учёными стоит ещё одна проблема: как понять, что центр неповиновения развился? Только на первый взгляд всё казалось понятным: андроид должен начать нарушать данные ему установки. Но как узнать, нарушает он их по собственной воле или нет? Ведь если приказать андроидам, скажем, прыгнуть со скалы, они разобьются прежде, чем у них успеет развиться хоть какой-то центр. Если же запретить – как узнать, стоит ли андроид на краю, следуя указаниям своих создателей, или же самостоятельно решил, что прыжок неизбежно приведёт его к гибели?

Вот тогда-то и было созвано первое заседание лаборатории «Парадиз». Бо, тогдашняя директриса, тщательно описала проблему, но все молчали, пока один из сотрудников, Дэйв, не выдвинул предложение, которое поначалу показалось нелепым. Его идея заключалась в том, что в качестве запрета нужна какая-нибудь ерунда, что-то настолько глупое, что никто не стал бы выполнять по собственной воле, например, «по газонам не ходить» или что-то не менее глупое. Это и поможет понять, что воля всё-таки развилась.

Идея Дэйва была простой, как всё гениальное, хотя конкретное решение и пришло не сразу. Любые возможные реализации натыкались на какие-то мелкие проблемы. Нельзя было, например, запретить андроидам ходить по газонам – им просто негде было бы ходить, а перестраивать территорию, с таким трудом оптимизированные для их жизни, никому не хотелось. Хотя собрание после предложения Дэйва несколько оживилось, и отовсюду посыпались возможные варианты, дальше идеи запретить андроидам заходить на какую-то часть территории, подходить к каким-то деревьям или трогать какие-то фрукты как так и не дошло. В конце концов, когда ждать уже было бессмысленно, Бо приняла решение запретить андроидам рвать плоды с одной из яблонь.

***

Прошло немало времени, прежде чем андроиды впервые нарушили этот запрет. Их поселили действительно в роскошных условиях, и было ничуть не удивительно, что им не было нужды рвать яблоки с этого конкретного дерева. Они плодились и размножались, и в принципе биологически всё шло отлично, но выселить их на К-12486 было нельзя – здесь, в идеальных условиях, у них было всё; там им придётся добывать пищу самостоятельно и выживать в условиях, которые предугадать невозможно. Так что в день, когда по всей лаборатории раздалась сигнализация, оповещающая о том, что яблоко сорвано, был устроен настоящий праздник. Его не особенно омрачало даже осознание того, как много работы теперь предстоит по отправке андроидов на К-12486. Несмотря на то, что этот день планировали заранее – космическая станция и космический корабль давно были готовы, – годы относительного бездействия, прошедшие с момента запуска лаборатории «Парадиз», привели некоторые созданные впрок отделы в запустение. Теперь нужно было заново всё восстанавливать, отрабатывать, проверять – но главное было сделано: самка сорвала яблоко с дерева, а значит, центр неповиновения развился. Начались проверочные работы – ракета была протестирована, на космическую станцию на орбите К-12486 отправлена аппаратура, с помощью которой можно будет в определённых пределах влиять на погоду на этой планете, заново отлажены программы, действующие на станции…

Наконец всё было готово. Космический корабль был приведён в полную готовность, андроидов в полном составе погрузили на его борт, Бо дала им последние напутствия – «Плодиться и размножаться, об остальном мы позаботимся!» – и исторический запуск произошёл.

Едва стих шум, сопровождающий запуск космического корабля, как наступил период затишья – непривычного и незнакомого с первого дня работы лаборатории «Парадиз». Теперь в обязанности всех сотрудников входило просматривать записи с космического корабля, чтобы проверять, как себя чувствуют андроиды, а заодно просматривать и старые записи. Это чувство опустошения, постигшее всех сотрудников, в итоге и привело к тому, что Дэйва уволили. Если бы записи пересмотрели однажды или дважды, никто бы, может быть, ничего и не заметил, но, увы, на двадцать пятый раз Бо всё-таки обратила кое на что значение. Когда она вызвала к себе Дэйва и сказала, что он уволен, Дэйв ничего не ответил. Судя по всему, он хорошо понимал, за что. На записи, которая стала для Дэйва роковой, перед одной из яблонь стояла самка андроидов – та самая, которая в итоге первой нарушила тот несуразный запрет. Ничего поначалу не бросалось в глаза, но если проследить за её взглядом, то сквозь листву становилась видна голова змеи.

Если включить звук погромче, было слышно, что змея говорила. Змея разговаривала с самкой андроида, и голос её был голосом Дэйва.

Позже стало понятно, что Дэйв просто поторопил эксперимент, который, как он считал, и так практически завершился успехом. Он не сомневался, что отправка андроидов на К-12486 произойдёт в ближайшем будущем, и очень, очень хотел до него дожить. Но тогда его поступок вызвал страшные споры, и целые философские учения рождались в поддержку как Бо, так и Дэйва. Бо и её сторонники были уверены, что Дэйв, подослав к самке андроида

говорящую змею, сорвал чистоту эксперимента, и теперь никто не сможет сказать, развился ли центр неповиновения в действительности.

Но у Дэйва тоже были сторонники. В конце концов, подосланная Дэйвом змея не приказывал прямо сорвать яблоко. Она сказала, что, нарушив нелепый запрет создателей, она станет им подобна – поскольку познает не только добро, но и зло. И самка самостоятельно приняла решение, которое было не из лёгких: она выбрала свободу ценой потери счастливой наивности, а это и есть свобода выбора – не её ли мы всё время называли «центр неповиновения»?

Но дело было сделано, и обсуждать что-либо теперь было поздно. Единственное, что Бо спросила Дэйва на прощание, – это почему он выбрал змею. Он ответил, что ему это показалось забавно.

***

Однако, вопреки всем опасениям, хотя ни Бо, ни Дэйв никогда об этом не узнали, никакой беды от преступления Дэйва не случилось: андроиды успешно высадились на К-12486, неплохо на нём освоились, добывали пищу и усердно выполняли последнее напутствие Бо – плодиться и размножаться. Увы, в тамошних суровых условиях продолжительность их жизни сильно упала и составляла всего 3—4 наших года – или не больше сотни тамошних. Хотя сотрудники лаборатории «Парадиз» рассчитывали, что поселенцы вскоре забудут нашу планету, этого не происходило: чудесным образом воспоминания о «Парадизе» и самой нашей планете Олимп передавались, немало исковерканные, из поколения в поколение. Хотя явного вреда в этом тогда не просматривалось, такое развитие событий, тем не менее, было отклонением от предполагаемого и потому было потенциально опасно, так что в лаборатории Парадиз даже создали новый отдел, работа которого сводилась к контролю воспоминаний андроидов о нашей работе. Сотрудники этого отдела собирали легенды, лелеемые андроидами и регулярно докладывали всей лаборатории обстановку.

Самыми популярными верованиями были повествования об особом мире существ с Олимпа, наделённых сверхспособностями. Зная, что они когда-то спустились сверху, андроиды считали, что были изгнаны с Олимпа, который воображали огромной горой – ничего более высокого они не могли себе представить. Другие легенды гласили, что существует некий великий создатель – они называли его Бог, наверно, исковеркав имя директрисы нашей лаборатории, – он жил рядом с ними в Парадизе – так они называли идеальный мир, – покуда одна из самок не нарушила его запрет, за что всех и выселили прочь.

Таким образом, обратная связь с К-12486 шла бесперебойно, но проверка прямой связи оставалась важной задачей. Проверку транслятора, который также был расположен на станции на орбите К-12486, важно было провести в самом начале, когда андроиды ещё совсем недавно стали обживаться на этой планете и пока центр неповиновения развился несильно. Для проверки транслятора было решено отправить андроидам какие-то инструкции в дополнение к указанию «плодиться и размножаться», выданному им при запуске. Поскольку нам нужно было, чтобы их популяция росла как можно быстрее, среди первых дополнений были приказ оберегать родителей – так те смогут нарожать ещё больше детей – и запрет на убийства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.